

И. В. СЕЛИВАНОВ И ЕГО ПИСЬМО ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ 1848 г.

Сообщение

Б. П. Козьмина

В одном из дел III Отделения хранится письмо, написанное в 1848 г. во Франции пензенским помещиком И. В. Селивановым, позднее небезызвестным писателем «обличительного направления». Оно адресовано другу Селиванова, также пензенскому помещику А. Д. Желтухину, позднее — в конце 1850-х годов — издававшему «Журнал землевладельцев» и отстаивавшему на его страницах необходимость отмены крепостного права при обязательном условии полного ограждения интересов помещиков¹.

Прежде чем привести письмо Селиванова, познакомимся с его автором и остановимся на пребывании его в 1848 г. во Франции.

Илья Васильевич Селиванов родился в 1810 г. в Тамбовской губернии, где у его отца было небольшое имение. Селиванов-отец в молодости служил офицером, затем вышел в отставку, состоял уездным судьей и предводителем дворянства. Это был человек, обремененный многочисленными детьми и живший весьма бедно до тех пор, пока одна из его теток не умерла, оставив ему в наследство три с половиною тысячи десятин земли с 400 душ крепостных в Рязанской и Тамбовской губерниях. Мать свою, урожденную фон-Рекенберг, Селиванов потерял очень рано и плохо ее помнил. До одиннадцати лет он жил в деревне, а затем был отведен в Москву и отдан для обучения в один из частных пансионов. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он поступил в Московский университет, где пробыл до 1830 г. По окончании университета Селиванов некоторое время служил в шестом департаменте Сената, находившемся тогда в Москве, а в 1831 г. уехал в Петербург, поступил на службу в инспекторский департамент Главного морского штаба. Однако в Петербурге Селиванов пробыл недолго; в следующем году он вернулся в Москву и занял должность столоначальника Московского горного правления. Здесь он прослужил до 1839 г. К этому же времени относится женитьба Селиванова на дочери его начальника, инспектора горного правления, Вере Фавстовне Макеровской. В приданое за женой Селиванов получил имение в Саранском уезде Пензенской губернии с 219 «душами» крепостных.

В 1839 г. супруги Селивановы вместе с сыном Дмитрием и дочерью Софьей расстались с Москвой и поселились в саранском имении. Вскоре Селиванов был избран местным дворянством на должность уездного судьи. В 1846 г. Селиванов вновь в Москве, где он служит чиновником для особых поручений при губернаторе И. В. Капнисте. Однако на этот раз Селиванов прожил в Москве недолго. В 1847 г. «по случаю недостатков денежных» он оставил службу и возвратился в саранское имение².

В Москве Селиванов имел многочисленных знакомых, главным образом среди «западников», которым он сильно симпатизировал. В частности,

он познакомился с Герценом, привезя ему в 1845 г. письмо от Н. Х. Кетчера, жившего в то время в Петербурге³. Был знаком Селиванов и с Н. П. Огаревым и его будущим тестем, А. А. Тучковым — так же, как и Селиванов, пензенскими помещиками.

Селиванов был противником крепостного права. Перед отъездом за границу он отпустил своих саранских крепостных на вечный оброк, уступив им в пользование и свою землю (1200 десятин на 250 душ). Трудно определить, насколько выиграли крестьяне Селиванова от этой реформы. Во всяком случае, в неурожайный 1848 год им пришлось весьма тяжело, и Селиванов очень мучился, сознавая свое бессилие радикально помочь им⁴.

В феврале 1848 г. вследствие болезни жены Селиванов поехал во Францию. Его сопровождали, кроме жены, сын с гувернанткой. В Париж они прибыли через несколько дней после свержения короля Луи-Филиппа. С интересом наблюдали они за радостным возбуждением жителей французской столицы в первые дни революции.

«В Париж,— вспоминал Селиванов,— мы въехали вечером; улицы были освещены не фонарями только, но и плошками; зажженные свечи горели во всех окнах, изредка раздавались выстрелы — не боя, но радости».

В революционном Париже Селивановы пробыли до середины мая. На их глазах радостное оживление первых дней революции сменилось подавленным настроением, охватившим парижских рабочих после того, как они убедились, что торжество революции несколько не улучшило их тяжелого материального положения.

Селиванов глубоко интересовался событиями, разыгрывавшимися у него перед глазами. Он посещал революционные клубы, слушал горячие речи выступавших ораторов. «Я видел 17 апреля,— вспоминал впоследствии Селиванов.— Был во дворе Национального собрания, когда народ вломился туда 15 мая; шел с толпою вместе, когда он повалил в „Hôtel de la Ville“, распевая „Марсельезу“, провозглашать новое правительство; видел в окне Барбеса и Бланки»⁵.

Во второй половине мая Селивановы переселились в Дьепп, на берег Атлантического океана. Поэтому им не довелось быть свидетелями грозных июньских дней. Правда, в июне Селиванов приезжал на время в Париж; он прибыл туда 27 числа, на другой день после подавления восстания, когда, по его свидетельству, трупы еще валялись на улицах и камни мостовой были покрыты кровью⁶. Осенью Селивановы вернулись в Париж. Здесь Селиванов стал постоянным посетителем Герцена и живших в одном доме с Герценом Тучковых. У Герцена он встречался с И. С. Тургеневым, П. В. Анненковым и Н. И. Сазоновым⁷.

В кружке Герцена к Селиванову относились насмешливо, не считая его серьезным человеком. «Не знаю,— писала про него Н. А. Тучкова-Огарева,— был ли он глупый, но он был очень тупой и любил заводить серьезные разговоры, но все обращались с ним полушутя, и никто не хотел говорить с ним серьезно». И вслед за этим Тучкова-Огарева рассказывает о том, как посмеивался над Селивановым Тургенев, уверяя его, что ему опасно возвращаться в Россию после того, как он побывал в Париже во время баррикадных боев, и приводит шуточное стихотворение, написанное Тургеневым про Селиванова⁸. Вышучивал Селиванова и Огарев в своих сатирических стихах⁹.

Однако в письме Герцена к московским друзьям, написанном перед отъездом Селиванова из Парижа и врученном ему для передачи по назначению, мы находим сочувственный отзыв о Селиванове. «Селиванову,— писал Герцен,— обязуюсь дать аттестат, что вел себя исправно, натрехцветную не гнул и никакого ламартыжничества не чинил (все это вместе — шпилька Павлу Васильевичу Анненкову)». Перед этим Герцен

упоминал о том, что на каком-то банкете в Париже Селиванов выступил с речью¹⁰.

Приведенное письмо Герцена, несмотря на шуточную форму, в которую оно облечено, показывает, что симпатии Селиванова, в отличие от упомянутого Герценом П. В. Анненкова, находились не на стороне умеренных либералов и Ламартина, руководивших действиями временного правительства, а на стороне демократов, что он был сторонником красного, а не трехцветного флага. Об этих же симпатиях Селиванова свидетельствует и публикуемое письмо к Желтухину, которое взялся передать адресату уезжавший осенью 1848 г. в Россию А. А. Тучков.

Тучков почему-то не выполнил поручения Селиванова; письмо не дошло до Желтухина, а осталось в бумагах Тучкова до той поры, когда во время одного из обысков оно было захвачено жандармами и переправлено в III Отделение¹¹.

Приводим полный текст этого письма:

Июля 29 1848. Диепп

Чем более вглядываюсь я, любезный Алексей Дмитриевич, во всё то, что делается около меня; чем более прислушиваюсь во всё, что говорится и пишется, тем более убеждаюсь, что Европа вообще не так далеко ушла в образовании, как мы в России вообще думаем. Своекорыстие и себялюбие играют, как и всюду, страшную роль, служат рычагом всеобщей деятельности. Всюду великолепные слова — и нигде дело: отвратительная комедия, прикрытая блестящею шумихою. Надобно быть очень убеждену в прогрессе, чтоб не отчаиваться, смотря на то, что теперь делается во Франции, а с нею, разумеется, и в целой Европе. Надо быть здесь, чтоб понять, как еще ничтожны слова: свобода, равенство и братство — в своем приложении и как еще много пройдет времени до тех пор, пока они будут поняты действительно, действительно осуществляться, примут плоть в обществе. В провинции это еще заметнее, нежели в Париже. В провинции точно так же, как и у нас, существуют помещики и рабы — рабы в полном значении слова. Надобно видеть эту безвыходную нищету во всей ее отвратительной грязи, чтоб понять и оценить долготерпение народное, перед словами равенство и братство, перед мыслию, что народ — царь (*que le peuple est souverain*). Фраза эта, служащая основанием всей болтовне, болтовне великолепнейшей и многоплоднейшей, ораторов Национального собрания, есть такая гадкая и злая насмешка над народом, создавшим это собрание, — что, право, не знаешь, чему удивиться: подлости ли или тупоумию людей, беспрестанно употребляющих ее в речах, или же терпению народному, слушающему ее и не затаптывающему в грязь людей, ее выговаривающих.

Из этого преамбуля*, который может вам показаться странным для первого письма из-за границы, вы можете понять, что я здесь, как и в России, нахожу, что низший класс лучше высшего, т. е. и честнее, и справедливее, и больше имеет понятия о праве, — понятия инстинктивного, это правда, но поэтому-то и заслуживающего более уважения.

У нас в России, где низший класс находится в таком жалком, в таком униженном положении, *обязанность* всякого честного человека должна состоять в том, чтоб служить ему по мере сил своих. Пусть говорят, что хотят, о том, что у нас служить нельзя, что один ничего не сделает и проч. — все это — вздор и ничего больше; фразы, выдуманные для того, чтоб прикрыть лень, своекорыстие, равнодушие. Возможность действовать ни под каким видом не закрыта для того, кто хочет действовать, — прими только эту возможность в той форме, в какой она представляется.

* вступления (от франц. «*préambule*»).

Убедись только, проникнись во всей полноте своего сознания, что человек должен действовать, действовать во что бы то ни стало, — и тогда форма отыщется тотчас. Теперь для меня это сделалось так ясно, что, кажется, я уже не буду останавливаться перед препятствиями.

Для того, чтоб начать приложение этого учения к делу, я хочу просить вас (и это есть цель моего письма и для вас уже не новость) помочь мне в этом случае. Вам известно, что помещик я плохой и что ежели где еще могу значить что-нибудь, так это в юстиции. Это есть (кажется) единственная форма, в которой я могу ближе всего приблизиться к осуществлению моей теории. Знаю всё то, что говорят против юстиции, — что ее, например, в России нет и что потому служить тому, чего нет, — смешно. Отвечаю на это: крестьяне не виноваты в том, что у нас нет юстиции, — а между тем страдают. Чтоб помогать утопающему, не дожидаться же разрешения вопроса: каким образом растет конопля, из которой свита веревка спасения... Становиться на ходули нечего; надобно принимать действительность, как она есть. Торговец, честно торгующий на 5 рублей, настолько же достоин уважения, как и торгующий на 5 миллионов; цифра не перемениет человека и его стремлений.

Вот в чем дело: нынешней зимой у вас выборы. Жить праздно в деревне или Москве я не могу и не хочу. Я хочу служить. Но так <как> теперь в Москву назначен новый генерал-губернатор, с которым Капнист (гражданский губернатор), может быть, и не уживется, то я могу и не получить в Москве обещанного места. А потому располагаю служить хоть в Саранске. Ежели Обухов выдет, — хлопчите мне место предводителя; нельзя, — место судьи (Борцов, говорили, идет в отставку); нельзя и этого, — заседателя в уездном суде. Кажется, в этом-то уж можно быть уверену, — и конкурентов бояться нечего. Возможность действия одинакова — потому что то, чего не будет доставать в силе легальной и формальной, заменится силою нравственной, — и результат будет тот же.

Пишу об этом к вам так рано, потому что послание это не может быть отправлено через почту, а доставится вам Алексеем Алексеевичем Тучковым — хотя сам еще не знаю, ворочусь ли в Россию нынешней зимой. Пишут к нам, что в Морееве рожь пропала, — следственно, кроме того, что на доходы надеяться нечего, надобно еще кормить мужиков, а это при нашей малой запашке отяготительно очень. Смотри с финансовой стороны, — надобно воротиться в Россию; с другой стороны: мысль, что с достижением десятилетнего возраста сыну, — дорога в Европу ему загрожена, а оставить его и дочь одних в России, когда они уже не дети, невозможно, — заставляет желать пребыть в Европе еще годок — тем более, что это может быть полезно и для здоровья жены. Во всяком случае, в ноябре вы будете знать, что я сделаю из себя нынешней зимой.

На случай, ежели б вы захотели написать ко мне по почте, то вот адрес <...>

Живу я теперь в Диеппе, в маленьком приморском городке, где образование остановилось на большом уважении к духовенству, на монархической привязанности и на равнодушии ко всему тому, что делается в остальной Франции. Говорят, что с начала существования Диеппа — даже во времена большой революции — в нем не было ни клубов, ни возмущений, несмотря на то, что бедность страшная. Рыбаки, например, целую неделю проводящие в море верст за 30 от берегов, вырабатывают не более 5, 6 франков в неделю, — чем же тут кормиться с семьей, когда говядина продается 60 сантимов фунт, а наша мера картофеля стоит теперь около 2¼ франков. Ну, как же после того не сказать, что народ страшно долготерпелив.

Входить в подробности, что и как теперь здесь, — нечего; Алексей Алексеевич есть лучшая летопись. В ожидании того времени, как я лично

РАССУЖДЕНИЯ О ГЛАС

(И. А. Д—ва-М—ва.)

Я ничего не говорю! Но болят мое сердце; когда подумаю, до чего можно довести эта гласность!

Видь отказ служить никто не смеет! — Какая тут служба, как всякое дело пожелать отгадку!

Молодые люди, чорт знает, что забывают себя и то, до чего выслужили гласность, можно сказать, для того только, чтобы мзгать репутацию старших.

Повалите теперь суды да пересуды! Другой, быть может, и забыл давным-давно, что слышал — а тут гласность!

Повалите, не на что не волею! Вдруг, про какого вибрил заслуженного человека позволить говорить все, что только обь всем узнавать! — Да это просто трюк!

«РАССУЖДЕНИЯ О ГЛАС-
«Искра»»

вам сожму руку, — не забудьте моей просьбы и приготовьте мне заседательское место, ежели не будет другого. Прощайте, желаю вам всего лучшего и остаюсь душевно вас любящий

И. Селиванов

Моя жена и я вашей жене и вам справляет свой поклон. Поклонитесь Чарыкову¹² et consortе*.

В письме вашем вы не должны упоминать, что я во Франции.

Письмо Селиванова Желтухину подтверждает ту характеристику, какую дал отношению Селиванова к французской революции Герцен. Мы видим, что автор письма искренно и горячо возмущен тяжелой судьбой народных масс, их нищетой и безвыходной зависимостью от господствующих классов. Наблюдая французские порядки, Селиванов приходил к выводу, что Западная Европа не намного обогнала Россию, что и здесь, как и на его родине, существовали наряду с собственниками и рабы, что пышные фразы о народе-самодержце, о равенстве и братстве — пустая болтовня и насмешка над народом.

Возмущаясь социальной несправедливостью, Селиванов считает обязанностью всякого честного человека служение низшим классам. Однако

* сотоварищам (франц.).

НОСТИ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(И. А. Д — ва-М — ва.)

Ничто теперь ста-
вить злато, какъ
есть-то раскрывать
стануть? Просто,
хоть въ воду отъ-
стыла бросайся!

И говорю, что
гласность — это раз-
бой на большой до-
рогѣ.

И тебѣ говорилъ,
покуда была ты въ
снѣ: топи этихъ
ушниковъ, топи въ
сибирскихъ боло-
тахъ — не кипяти!

Пусть говорятъ про ме-
ня, что хотѣть, я пажоу
на все... Съ имениемъ и
деньгами он ест! toujours
un homme comme il faut.

Ахъ чего не до-
пустить гласности
— это прекрасно,
с'est beau! но съ
уговоромъ — не чер-
пать насъ!

Целью же допу-
стить всякого, гово-
рить, что ему на
умъ придетъ, вѣдь
это будетъ хакей-
ская брань.

НОСТИ ВЪ ПРОВИНЦІИ.
1860, № 11

он не сумел понять, что существует только один путь такого служения, это тот путь, которым пошли Герцен и Огарев, то есть путь революционной борьбы в целях ниспровержения существующего строя. В отличие от Герцена и Огарева, типичных носителей дворянской революционности своего времени, Селиванов — не революционер. Он надеялся служить народу и приносить ему пользу, став из помещика чиновником. Надо, по его словам, действовать в той форме, в какой это предоставляется действительностью. В России он не видит никакого другого поприща деятельности, помимо казенной службы, и утешает себя надеждой быть на этом поприще полезным народу. В основе такой наивной надежды лежит вера в то, что государственная власть и обслуживающий ее аппарат являются силой, стоящей выше общественных классов, не зависящей от них и потому способной действовать против интересов господствующего класса на благо угнетенного народа.

Это убеждение определило всю дальнейшую жизнь Селиванова.

В конце 1848 г. он возвратился в Россию и поселился в саранском имении в расчете занять какую-нибудь должность по выбору местного дворянства. В это время пензенским губернатором был А. А. Панчулидзе. Самодур, крепостник и хищник, он смотрел на управляемую им губернию как на источник личного обогащения. В пределах ее он считал себя неограниченным владыкой. Всех людей, державшихся независимо, он

ненавидел, не без основания рассматривая их как своих личных врагов. К таким именно людям он относил Селиванова и Тучкова. Уже давно Панчулидзева искал случая погубить их. Для этой цели он решил использовать свои петербургские связи и, в частности, свою близость к шефу жандармов А. Ф. Орлову.

Посетив в феврале 1849 г. Петербург, Панчулидзева побывал в III Отделении. Результатом разговоров, которые он там вел, явилась записка, составленная Дубельтом и гласившая:

«Губернатор Панчулидзева объявил, что предводитель дворянства Тучков и помещик Селиванов вредны своим образом мыслей. Они внушают молодым людям в высшей степени либеральные мысли и распространяют ложное понятие о коммунизме. Граф А. Ф. Орлов приказал наблюдать за ними»¹³.

Пензенским жандармам было предписано установить строгое наблюдение за Тучковым и Селивановым. Однако Панчулидзева этого было недостаточно, особенно потому, что наблюдение не давало никакого серьезного обвинительного материала против Тучкова и Селиванова. В январе 1850 г. Панчулидзева обратился к министру внутренних дел гр. Л. А. Перовскому с письмом, в котором старался всячески очернить своих врагов. Селиванова он изображал человеком, известным «своим вольнодумием и иррелигиозностью», сделавшимися особенно заметными «после последнего его путешествия за границу и пребывания его с Тучковым, как они сами это рассказывали, в Париже на баррикадах». «Сообщество его на молодых, неопытных и полубразованных соседей, — писал Панчулидзева, — конечно, может иметь вредное влияние»¹⁴.

В результате доносов Панчулидзева Селиванов, а также Тучков и его зятья, Н. П. Огарев и Н. М. Сатин, были арестованы и доставлены в Петербург¹⁵.

При обыске, произведенном у Селиванова, был отобран ряд бумаг, среди которых наибольшее внимание следователей привлекли к себе: рукопись Селиванова, озаглавленная «Рассказ о том, как мучит крестьянин Игошка меня, своего барина, и как я ума не приложу, что мне делать с Игошкой», повесть о молодом дворянине Бельском, две статьи о положении помещичьих крестьян и неоконченное письмо, адресованное К. Д. Кавелину.

Рассказ об Игошке представлял собою, по выражению чиновников III Отделения, «злую сатиру на злоупотребление помещичьей властью»; быт крепостных крестьян представлен в нем «в самом жалком виде»: «помещик наказывает крестьян несправедливо, по прихотям, приказывает попу обвенчать девку несовершеннолетнюю, за пропажу собаки отдает мужика в солдаты». Крестьянина Игошку, вымененного на коляску, помещик бьет якобы за глупость: в действительности же Игошка вовсе не глуп. Рассказ кончается тем, что помещик женит Игошку на вдове против его и ее воли.

На допросе в III Отделении Селиванов избрал оригинальную систему самозащиты, объяснив, что рассказ его об Игошке является рассказом о самом себе и о том, что ему приходилось испытывать в своих взаимоотношениях с крепостными. Игошка — реальное лицо, один из его крестьян. «Этим рассказом, — говорит Селиванов, — я хотел показать, как дурно делают те помещики, которые берут на себя устраивать брачную судьбу крестьян».

Выслушав этот ответ Селиванова, следователи задали ему вопрос, побудивший его внести значительные ограничения в данное им первоначальное объяснение. «Принимаете ли вы на себя все противозаконные и дурные поступки описываемого вами помещика?» — спросили Селиванова.

«Принимать на себя все противозаконные и дурные поступки этого помещика я не могу, потому что не таков,— отвечал Селиванов.— Ни на один брак с моей стороны принуждения не было. Крестьян я <...> не наказывал телесно. Смело могу сказать: крестьяне меня любят, ибо я стараюсь по мере сил моих, способов и умения вникать в их нужды и по возможности помогать им. Успел ли — не знаю, по крайней мере, в доброй воле и желании у меня не было недостатка».

Нет оснований не верить тому, что Селиванов действительно проявлял заботливость о своих крестьянах и старался облегчить их положение. Об отношении его к крепостному праву можно судить по отобранным у него при обыске статьям по крестьянскому вопросу. В этих статьях Селиванов много писал об угнетении дворянами своих крепостных, о бесправии и бедности последних. Характеризуя статьи Селиванова, III Отделение отмечало их «резкий тон» и утверждало, что они «отзываются по местам социализмом». В подтверждение этого чиновники III Отделения приводили следующие выписки из статей Селиванова:

«Как рабочее животное, лишенное смысла, сидит он <крестьянин> по приказу начальника в болоте по пояс, влезает на дерево, спускается в колодцы, не обращая <внимания> на то, что рвет лохмотья последней одежды, что мочит то, чего переменить нечем, и в холоду, сырости, с тощим желудком, стиснув зубы и вытаращив глаза, по-видимому, равнодушно переносит насмешки, удары, голод, жажду, усталость. И зато, когда сын его приносит ему заработок свой, он напивается с судорожным наслаждением, чтобы забыть свое завтра, полное одних слез и страданий... чтобы забыть, что есть на свете господа и старосты, и он может быть всем братом, всем равным, и со всеми, с целым миром, идти на пир жизни...». «Что же делают господа для улучшения быта своих крестьян? Учат ли они их для того, чтобы приобщить к семейству человечества? Лечат ли их в болезнях, сочувствуют ли, по крайней мере, их страданиям? Нет, отнюдь нет, ни на волос. Равнодушно смотрят они на невежество, на болезнь, на нищету и только иногда, и то немногие, уделяют им кроху, падающую со стола псам, тряпку, негодную для их собственного употребления. Не будем требовать невозможного, будем говорить только о том, как улучшить (а это наша обязанность, слышите ли, обязанность, важнее всяких других обязанностей) положение крестьян, и при настоящем положении социальных вопросов в России сделать их положение хоть только сносным».

Как видно из этой цитаты, в статьях Селиванова мы находим те же самые мысли о необходимости заботиться о крестьянах и добиваться улучшения их участи, которые знакомы нам по его письму к Желтухину. Те же мысли Селиванов развивал и в отобранной у него при обыске повести.

Герой ее — молодой дворянин Бельский — не удовлетворен своей жизнью. Он мечтает о том, чтобы служить народу. «Рассуждая, что полезнейшие должности в службе те, которые ближе к массам народа, где видны нужды *меньших наших братьев*», Бельский решил занять полицейскую должность. Он становится становым приставом. Этот поступок шокировал и вызвал возмущение со стороны родных и близких Бельского. Его дядя, отставной тайный советник и аристократ, отказал ему от дома, а жена бросила его.

Несомненно, что мысли и переживания Бельского близки к мыслям и переживаниям самого Селиванова. Это подтверждается и незаконченным письмом его к К. Д. Кавелину. В нем он описывал свои душевные страдания, порожденные сознанием того, что, дожив до тридцати восьми лет, он не мог быть полезным обществу. Письмо это было написано под впечатлением отчаянного положения, в котором оказались крестьяне

вследствие неурожая 1848 г. В нем много говорилось о «*потребности действия*», овладевшей автором письма. «Когда все около вас движется, — писал Селиванов, — все спешит, все торопится достигнуть той или другой цели, тогда и у вас является потребность, и потребность необходимая, действия. Быть простым зрителем становится тяжело, нестерпимо. Кажется бы целый мир унес на плечах своих; кажется бы на грудь себе принял все удары, все заботы, всю тягость, тебя окружающую. Это я чувствовал постоянно в оба раза моего пребывания за границей. Видя и слыша беспрестанно около себя беспрестанное движение, видя, с каким высоким самоотвержением люди жертвуют для общего блага всеми лучшими интересами жизни, поневоле скажешь себе: „Да что же я здесь? Зачем? Разве мне нечего делать на родине? Разве в ней много людей, готовых служить ей так бескорыстно, как я готов служить!..“ Это почти было причиною моего последнего возвращения.

Сообщив о своих сомнениях и чувствах, Селиванов писал, что он завидует Кавелину, который в отличие от него, Селиванова, поставил себе определенную цель и «идет упрямее по предназначенному пути».

Некоторые выражения письма Селиванова показались подозрительными следователям, и они потребовали от Селиванова подробных объяснений по содержанию письма.

Отвечая на их вопрос, Селиванов говорил: «Видя, что за границей многие люди благонамеренные занимаются чем-нибудь полезным — ученый распространением своих сведений, фабрикант распространением общего довольства, владелец земли улучшением способа возделывания ее, — естественно, я чувствовал, что я там лишний и должен был ехать на родину, чтобы здесь тоже употребить себя на труд, сообразный с моими склонностями. Мне хотелось служить, но по обстоятельствам я должен был жить в деревне, и это-то было причиною всех жалоб этого письма. Я понимал, что помещик должен всемерно стараться о благосостоянии своих крестьян, обеспечить их быт по мере сил всем, — а у меня не было денег даже и на собственные расходы».

Объяснения Селиванова не удовлетворили следователей, и ему было предьявлено обвинение в «вольном и противорелигиозном образе мыслей». Следователи находили, что Селиванов «в письмах и сочинениях своих обнаружил превратные свои понятия о гражданском устройстве и опасное для общественного спокойствия направление его ума и действий».

Селиванов категорически отверг предьявленные ему обвинения. «Вольнодумство мое, — говорил он, — ограничивается тем, что я говорю всегда, что брать взятки гнусно и мерзко; что притеснять крестьян своих и заставлять их работать свыше меры и морить голодом, когда у помещика полны амбары хлебом, бесчестно и грех перед богом и совестью. Противу религии я никогда и ничего не говорил, а говорил противу священников, которые притесняют крестьян и ведут непристойный для их сана образ жизни».

Отрекся Селиванов и от сочувствия западным революционным событиям. «Человек я по природе смирный<...>, — говорил он. — Всякий шум, всякий беспорядок, производит на меня разрушительное действие». Поэтому он не мог сочувствовать «заграничным беспорядкам». «Я смотрел на них с тем робким любопытством, с каким смотрят на все грозные явления природы и только удивлялся, каким образом люди, слышащие умными, до такой степени слепы, что не понимают истинной причины своих бедствий».

«Дух возмущения, — говорил в заключение Селиванов, — мне не свойственен; это не в моей натуре. Успокоить, примирить, услужить каждому, чтобы заставить его забыть свое горе, поправить ошибку другого, чтобы

БАРРИКАДЫ В ПАРИЖЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

«Illustrierte Zeitung» от 28 апреля 1848 г.

окружающие не понесли от этой ошибки какого ущерба или страдания, — вот мой настоящий характер, вот мое призвание». Одна только государственная служба, а отнюдь не революционная деятельность, соответствовала, как указывал Селиванов, особенностям его характера.

Это заключение Селиванова вполне подтверждается, как мы видели, его письмами и произведениями. Однако следователи посмотрели на дело иначе. Они нашли показания Селиванова неискренними и стоящими в противоречии с его сочинениями и письмами, «которые обнаруживают вредный его образ мыслей до того, что распространение оных могло бы даже сделаться опасным».

В соответствии с этим они признали необходимым удалить Селиванова из Пензенской губернии, выслав его на службу в одну из отдаленных местностей. Николай I, которому было доложено дело, согласился с этим предложением.

Пока в III Отделении рассматривалось дело Селиванова, Тучкова, Огарева и Сатина, Панчулидзе, сознававший, что никаких серьезных обвинительных материалов в распоряжении следователей не имеется, продолжал их разыскивать. В марте 1850 г., по его настоянию, в усадьбе Тучкова был произведен вторичный — более тщательный — обыск. При этом было захвачено большое количество различных бумаг и среди них публикуемое нами письмо Селиванова к Желтухину, которое Тучков почему-то не передал по назначению. Все эти бумаги были отправлены в III Отделение. Однако они прибыли с запозданием: дело было уже решено, и решение получило царское утверждение.

Селиванов был сослан в Вятку, где стал служить производителем дел губернского статистического комитета. В ссылке он пробыл недолго.

В связи с двадцатипятилетием царствования Николая I Селиванову в декабре 1850 г. было разрешено возвратиться в пензенское имение. Селиванов воспользовался этим, чтобы обратиться к шефу жандармов А. Ф. Орлову с просьбой предоставить ему какую-нибудь должность в одной из столиц, «где моим усердием и ревностью, — писал Селиванов, — я мог бы доказать, как много и сильно чувствую я щедроты монарха и как глубоко во мне желание оправдать милостивое заступничество вашего сиятельства»¹⁶.

Это обращение осталось безрезультатным. Орлов не нашел возможным предоставить Селиванову какую-нибудь должность. Селиванову пришлось прожить еще несколько лет в провинции, и только после смерти Николая I, в годы правительственного либерализма, ему удалось переселиться в Москву и получить, по выбору местного дворянства, должность председателя Московской уголовной палаты.

Во второй половине 1850-х и в начале 1860-х годов Селиванов начинает принимать участие в периодической печати: он сотрудничает в «Земледельческой газете» А. П. Заблоцкого-Десятовского, в «Журнале землевладельцев» своего друга А. Д. Желтухина, в «Московских ведомостях» и «Современной летописи» М. Н. Каткова и др.¹⁷ В этих изданиях он печатал статьи публицистического и экономического характера. Однако литературную известность он приобрел не ими, а общительными рассказами и повестями, которые помещал в «Современнике» с 1856 г. под названием «Провинциальные воспоминания. Из записок чудака»¹⁸. «Современник» охотно отводил место произведениям Селиванова, хотя для его руководителей были вполне ясны их слабые стороны. Сообщая в 1857 г. Некрасову о печатании в очередном номере «Современника» одной из «статеек Селиванова», Чернышевский добавлял: «Плохо, разумеется, со стороны таланта и ума, но эффектно и выгодно по своей резкости»¹⁹. Яркие картины чиновничьего произвола и хищений, рисуемые Селивановым, являлись, с точки зрения революционной демократии шестидесятых годов, прекрасным агитационным средством, которое необходимо было использовать в борьбе против существующих порядков.

Именно поэтому Добролюбов, говоря о степени распространения в русском обществе любви к общему благу, ставил фамилию Селиванова в один ряд с фамилией Щедрина²⁰. Однако руководители «Современника» отнюдь не считали Селиванова своим единомышленником. Они понимали, что Селиванов не сознает связи рисуемых им картин произвола и грабительства с общими политическими порядками тогдашней России. Селиванов возлагал вину за злоупотребления на злонамеренность и испорченность отдельных носителей власти, руководители же «Современника» — на весь русский политический строй. Селиванов мечтал только об устранении злоупотреблений, а руководители «Современника» — об уничтожении условий, порождающих злоупотребления. Селиванов верил в мирные пути прогресса, руководители же «Современника» верили в революцию. Он апеллировал к верховной власти, а они — к народным массам. Все это и имел в виду Чернышевский, говоря, что в произведениях Селиванова «плохо» не только со стороны таланта, но и со стороны ума.

Мы видели, что в 1848 г. Селиванов мечтал о поступлении на государственную службу для того, чтобы приносить пользу народу, и теперь — в конце 1850-х и в 1860-х годах — он продолжал придерживаться этой наивной иллюзии. Исходя из нее, он и строил все свои жизненные планы.

Должность председателя Уголовной палаты Селиванов занимал в течение пяти лет — до 1862 г., когда во время дворянских выборов был забаллотирован. После этого он поступил на службу чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе П. А. Тучкове.

В Москве конца 1850-х и начала 1860-х годов Селиванов являлся довольно видной фигурой. Он был одним из учредителей возникшего в 1860 г. Московского городского кредитного общества, а затем председателем его наблюдательного комитета²¹. Селиванов обладал немалым числом литературных знакомств; особенно сошелся он в это время с В. П. Боткиным, с которым, по его собственным словам, «находился в самых близких и искренних отношениях»²². В 1859 г. Селиванов был избран членом Общества любителей российской словесности. При этом председатель Общества А. С. Хомяков произнес речь, в которой приветствовал Селиванова как представителя обличительной литературы, имеющей, по мнению оратора, некоторое право на существование²³. В рядах Общества любителей российской словесности Селиванов оставался недолго; в 1860 г. он демонстративно вышел из него. Причиной этого выхода послужило его столкновение со славянофилами, игравшими в то время в Обществе руководящую роль. На одном из заседаний Общества Селиванов предложил организовать, по примеру петербургских литераторов, публичные вечера и литературные чтения, доход с которых шел бы в пользу нуждающихся писателей и ученых. Славянофилы во главе с К. С. Аксаковым резко возразили против этого предложения, указывая, что пособия, оказываемые таким образом, — грех, ибо благоденствие не следует основывать на потворстве страстям человеческим. В результате этих возражений предложение Селиванова было провалено 13-ю голосами против двух. Селиванов счел нужным печатно протестовать против этого постановления. На страницах «Московских ведомостей» между ним, с одной стороны, и А. С. Хомяковым и секретарем Общества М. Н. Лонгиновым — с другой — разыгралась целая полемика, закончившаяся выходом Селиванова из Общества²⁴. Объясняя свой шаг и характеризуя порядки, установившиеся в Обществе, Селиванов писал: «Это было что-то семейное, где г. Хомяков играл роль патриарха; чтобы быть там, надобно было

ВТОРЖЕНИЕ НАГОДА В ЗАЛ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ПАРИЖЕ 15 МАЯ 1848 г.

«The Illustrated London News» от 20 мая 1848 г.

принадлежать к семейству <...> А так как я не принадлежал к семейству, то вот и наказан... и поделом»²⁵.

По-видимому, служба при П. А. Тучкове не вполне удовлетворяла Селиванова. В 1863 г., во время польского восстания, узнав, что правительству нужны в Польше русские чиновники, Селиванов вышел в отставку и уехал в Варшаву.

В Варшаве Селиванов служил под начальством генерал-полицимейстера Ф. Ф. Трепова, заняв должность вице-директора 1-го департамента его управления. Управление это, организованное в январе 1864 г., по мысли Н. А. Милютина, «для противодействия жонду», являлось по существу своих обязанностей как бы министерством полиции. Одновременно с работой в управлении генерал-полицимейстера Селиванов состоял членом Комиссии по закрытию католических монастырей, участвовавших в восстании или поддерживавших его, и составил докладную записку о работе этой комиссии²⁶. Позднее Селиванов был назначен редактором русской правительственной газеты «Варшавский дневник».

Таким образом, в середине 1860-х годов Селиванов превратился в типичного чиновника-русификатора, проводника правительственной политики в усмиренной Польше. Если вспомнить мечты Селиванова относительно пользы, приносимой народу благонамеренными чиновниками, в этом превращении для нас не будет ничего неожиданного. Напротив, оно являлось вполне закономерным. Это подтверждается высказываниями самого Селиванова о русской политике в Польше и, в частности, написанным им по поручению начальства возражением на статью французского публициста Лаверню, помещенную в одном из французских журналов, по поводу указа от 2 марта 1864 г. о наделении польских крестьян землей. Возражение Селиванова было напечатано в польском издании «Варшавского дневника»²⁷.

Некоторые мысли, развитые Селивановым в его возражении Лаверню, перекликаются с его высказываниями в письме 1848 г. к А. Д. Желтухину.

Указав, что польские крестьяне, формально освобожденные от крепостной зависимости, фактически продолжали находиться в полном подчинении у панов, Селиванов сравнивал их положение с положением фабричных рабочих на Западе, которых угроза потери заработка и голодной смерти делала рабами предпринимателей.

«Разве вы не помните того, — писал Селиванов, напоминая Лаверню уроки 1848 г., — что говорила во время оно пресса, когда был поднят вопрос о деспотизме капитала над трудом? И что было потом? Разве не помните, что сделали собственники — эта французская буржуазия, мечтавшая во время оно располагать тронами и судьбами царств, когда был поднят роковой вопрос под именем организации труда? Она задавила вопрос, испугавшись его».

Проводя в Польше крестьянскую реформу, русское правительство, по мнению Селиванова, действует в качестве защитника интересов польского крестьянства. Оно не грабит панов, как утверждает Лаверню, а ограждает труд польских крестьян от привыкших грабить их панов. Правительство, — заявлял Селиванов, — не хочет того, чтобы польские крестьяне оставались «пролетариями» и «рабами владельцев земли». Селиванов упустил из виду, что проводимая русским правительством в Польше крестьянская реформа была предпринята им вовсе не из сочувствия к крестьянству, а из желания ослабить в экономическом и политическом отношении польское дворянство.

Остается сказать несколько слов о последних годах жизни Селиванова. Выйдя в отставку, он употреблял свои досуги на литературную работу мемуарного характера. В 1880—1882 гг. на страницах «Русской ста-

рины» печатались его содержательные «Записки дворянина-помещика», а также воспоминания о некоторых эпизодах из его жизни.

24 июня 1882 г. Селиванов умер в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об А. Д. Желтухине — см. Н. М. Дружинин. «Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг. — «Труды Института истории РАНИОН», т. I. М., 1925, стр. 470 и сл.

² Биографические справки о Селиванове заимствованы из его показаний, данных в 1850 г. в III Отделении (ЦГИАМ, ф. III Отделения, 1 эксп., 1849 г., д. 67, ч. III), и из сведений, приведенных в его книге «Виденное, слышанное, передуманное и пережитое...». М., 1882, стр. 99, 170, 178.

³ Герцен, т. III, стр. 461.

⁴ И. В. Селиванов. Записки дворянина-помещика. — «Русская старина», 1880, № 6, стр. 307—308.

⁵ Там же, стр. 299.

⁶ Там же.

⁷ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 84.

⁸ «Русские пропилеи», т. IV. М., 1917, стр. 106.

⁹ Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. II. Л., 1938, стр. 361—362.

¹⁰ Герцен, т. V, стр. 245—246.

¹¹ ЦГИАМ, ф. III Отделения, 1 эксп., 1849 г., д. 67, ч. I, л. 156.

¹² Чарыков — пензенский помещик. Его и Желтухина Селиванов называет своими «самыми близкими приятелями» («Записки дворянина-помещика». — «Русская старина», 1880, № 6, стр. 296).

¹³ Я. З. Черныяк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М. — Л., 1933, стр. 365—366.

¹⁴ Там же, стр. 151—152.

¹⁵ Процесс Селиванова изложен на основании документов, собранных в деле III Отделения, 1 эксп., 1849 г., № 67, ч. I и III.

¹⁶ Там же, ч. III, л. 49.

¹⁷ Список литературных произведений Селиванова, хотя и далеко не полный, см.: Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. II. СПб., 1885, стр. 43; а также заметку о Селиванове в «Русском биографическом словаре» и статью А. В. Храбровицкого «Пенза в „Современнике“ Чернышевского и Добролюбова». — Газ. «Сталинское знамя» (Пенза), 1947, № 132.

¹⁸ «Провинциальные воспоминания» в 1857—61 гг. были переизданы в 3-х частях. К ним примыкают два выпуска «Воспоминаний прошедшего» (1862) и книга «Виденное, слышанное, передуманное и пережитое...». Продолжение воспоминаний прошедшего автора «Провинциальных воспоминаний». М., 1882.

¹⁹ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II, 1928, стр. 353.

²⁰ Добролюбов, т. III, стр. 245.

²¹ См. воспоминания Селиванова об основании этого общества в «Русской старине», 1880, № 5, стр. 149—156.

²² «Русская старина», 1880, № 5, стр. 153.

²³ Речь Хомякова напечатана в «Русской беседе», 1860, № 1. Ср. пародию на нее В. С. Курочкина под названием «Дилетантизм в литературе» (В. С. Курочкин. Собрание стихотворений. Л., 1947, стр. 55—58).

²⁴ Об этом эпизоде подробно, но не вполне объективно, рассказано Н. П. Барсуковым («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 17. СПб., 1903, стр. 418—424). См. также заметку о Селиванове в «Словаре членов Общества любителей российской словесности при Московском университете». М., 1911, стр. 252—253.

²⁵ И. Селиванов. Первый и последний ответ г. Лонгинову. — «Московские ведомости», 1860, № 80, стр. 627.

²⁶ Записки И. В. Селиванова. — «Русская старина», 1880, № 12, стр. 837, 872—874.

²⁷ Перепечатано Селивановым в его книге «Виденное, слышанное, передуманное и пережитое...». М., 1882, стр. 184—201.